поддавался однозначным опре-

делениям. И наука, литерату-

чтобы осознать всю его слож-

ность. Только сыну писателя

Нет, неразгаданным он оста-

годы после смерти.

вался для современников и

А. М. Горькому, да еще немно-

гим. Лесков был виден стоя-

щим в ряду великих, но ряд

этот выстраивался достаточно

необычно: Лесков равен одно-

временно разным величинам --

бенное, лесковское, схватыва-

пось главным образом в от-

дельных клочковатых опреде-

пениях: то хвалили чудесный

язык, то умение отыскивать в

народной толпе «праведников».

время подбираются ключи к

секретам этого классика.

Может быть, только в наше

Общеизвестно, что Лесков

не был властителем дум эпохи, не был собирателем литера-

гурных сил вокруг своего пе-

чатного органа. Но и «безыдей-

ным писателем», как иногда

пыталась аттестовать его кри-

тика, конечно же, не был. Прос-

то он был очень сложный, и у

него был «трудный рост», как

он сам объяснял одному из

своих зоилов. Не раз откуда-

то сбоку Лесков выходил на

исчезал, чтобы появиться с

ошеломляющими темами, вы-

хваченными из жизни, с пара-

оксальными их толкованиями.

"И публику он одаривал то «Со-

борянами», то «Очарованным странником», то «Левшой»...

в ее бескрайних просторах. «Я

народом был свой человек, и

меня в нем есть много ку-

мовьев и приятелей...» — за-мечал он. Он чувствовал сти-хию и сердцебиение родной

речи. И в суровой правде лю-

бил утверждать себя. Даже Толстому он заявлял: «...Иду

ам, куда меня ведет мой «фо-

Сначала Лесков разругался

Лесков хорошо знал жизнь

магистрали литературы, снова

Тургеневу, и Толстому. Осо-

зените чтимости».

это было важно для развития русского реализма!
Одним из блистательнейшик произведений Леснова по пра-ву считается «Леди Манбег Мценсного уезда». Захвать вающе интересен ее сюжет Катерину Измайлову особению приподымают в наше время: есть опера, инсценировии, эн-ранизации. Но нет нужды под гонять ее под Катерину и

В. КУЛЕШОВ, профессор, донтор филологических наук

ной бабы» вполне в духе той

«перемены» в изображении де

ревни, которую приветствовал

сам Чернышевский в связи

рассказами Н. Успенского. Дол

го они были отрезвляющим

противовесом народнически

«шоколадным» мужичкам. За эту правду — спасибо Лескову.

Сколько тут здравого и нужно

го, пророческого даже! И как

это было важно для развития

$C\Gamma YCTOK$ **ЛЯ КРИТИКОВ** Лесков всегда был гвердым орешком... Ни один готовый канон не приходился ему впору. Лесков попросту не НАРОДНОИ роведение, доспела не сразу, \mathcal{H} \mathcal{H} \mathcal{H} \mathcal{H} оставившему ценнейшую книгу о создателе «Заячьего ремиза», казалось, что на закате дней своих Лесков творил «в

со своим поколением в романах «Некуда» и «На ножах», пародировал слепцовскую ком-«Дом Согласия», фаланстерийную гармонию. Злым языком высмеял «жирондистов с Чистых Прудов» и «монтаньяров со Вшивой Горки». Тут выпала ему участь Достоевско-го, автора «Бесов». Воспитанные на Писареве «реалисты» были уверены, что они знают «куда» идти, «что делать», а потому анафемы достоин тот. кто посягнул на их веру.

Но «Некуда» переиздается в советское время, в романе есть что читать сейчас. С симпатией изображает Лесков уверовавшую в возможность новой. недомостроевской жизни Лизу Бахареву, из герценовских кру гов явившегося революционера Райнера. А главное -- обсуждаемые в романе «ноющие вопросы» очень велики. Глумление, конечно, отпало. Но вопрос о том, как строить жизнь будущую, основанную на «согласии» людей, вопрос о ком-

Ярлык «антинигилистический роман» ничего не решает. Памфлетно выведенные Лесковым гребущие к себе демагоги, вроде Белоярцева, отвратительны и для нас. Неприемлемы и неистовый левак Пархоменко, и «нетерпеливец» Бычков, который предлагает пять миллионов вырезать, чтобы пятьдесят пять были счастливы. Мы не можем сейчас только через призму памфлета воспринимать и лес ковский рассказ «Овцебык»: разве мало было среди нигилистов таких, которые на ощупь шли, агитировали, а пути не знали? Эта проблема открывается нам без обольщений того времени, в исторической перспективе.

А терпкая правда о народе в «Язвительном», в «Житии од«Грозы» Островского. Конечно, повесть Леснова — оз эмансипации, и перекличка «Грозой» есть. Но коварна мценская купчиха не тольи борется за право любить то го, кто ей нравится, но и вся — плоть от плоти «темног царства», смесь правединци и грешницы. Это не жалост ливая повесть о напрасно за губленной жизни. Перед на ми — диний разгул страсти устраняющий с пути ясе препятствия, И Зиновий Борисы муж, задушен, и Борис Тимофенч, свекор, грибиа ми" с нашицей отравлен, и маленьений Федя убран с пути, чтобы не делить наследства, и Сонетку-разлучницу Катерина за собой на дно потащила с аростантской баржи. Нет слишком было бы не справедянво выравнивать это зловещий, необузданный харантер даже по мерке Настасьи Филипповны из Достоевского.

Целой полосой в творчестве Лескова проходят образы «пра ведников»: «Тупейный худож ник», «Очарованный странник) «Несмертельный Голован», «Ч ловек на часах» и, конечно, са мая знаменитая вещь писате -- «Сказ о тульском косо Левше и о стальной блохе: Богатырскую стойкость в на-роде воспел Лесков, азартно состязание русской смекалки диковинной заморской выучкой Но растрачивается по пустя-кам эта сила и этот гений. Ни царь, ни его сановники не ду-

мают о России. Впопад и невпопад отыски ков». Мы верим Савелию Туберозову, сочувствуем его схватке с консисторией, но сламывает его тупая сила («Соборяне»). Большой натяжкой выгля дят праведные наставники детов в одном из рассказов. Но величествен Лесков там. где праведничество идет об руку со страданием, где выступают не чудаковатые патриархалы. истинные домогатели смысла жизни, носители душевной чис

не дань народнической идеализации мужика: они с сельским миром ничего общего не имеют, выломились из него. Они сами по себе, словно герои легенд и былин, целостны и монументальны, нравственны, поучительны в высшей степени

С годами Лесков все более становился органическим явлением русской литературы. «Не в том дело, — как-то писал он Толстому, — мастеровито ли это а в том: есть ли сие на потребу дня сего?»

Все больше хотелось ему ринуться в битвы Злее становилась его сатира («Зимний день», «Административная грация»): Помещики, купцы, духовенство. чиновники, военные, крестьяне, ремесленники, рабочие - в поле внимания Лескова вся Россия. Рассчитываясь с собою прежним, высмеивает писатель обывательские представления о передовых людях («Путешествие с нигилистом»). Еще гуще ложатся краски, рисующие беспросветное невежество, в котором пребывает народ («Продукт природы»).

Долго чуждавшийся политики: Лесков весь пропитан ею в конце жизни. Рассказ «Заячий ремиз», написанный за год до смерти, мог увидеть свет только в 1917 году: тут высмеян добровольный холоп самодержавия, практиковавшийся на изловлении «потрясователей» - бунтовщиков, нигилис тов, революционеров. В «Полуношниках» Лесков подымает руку на одного из главных столпов реакции, протоиерея Андреевского собора Иоанна Кронштадтского, слушать которого слетелись тысячи кликуш, лицемерящих друг перед другом. Тут видно, откуда растут черная сотня, гапоны, распутины, видно, что самодержавию и его прислужникам поистине идти «некуда».

Сложность Лескова, его своеобразие вырастало из жизни. Потому он так неожидан. непредсказуем, так властно умеет подчинить своей неучтенной еще правдой. Только наиболее проницательные, только те, кто сам стоял в гуще жизни, как Горький, Толстой, могли сразу и по достоинству оценить Лескова, потому что они сами ошеломляли своим творчеством, ломали каноны, открывали новые просторы и глубины жизни.

Лесков сам не тот ли все изведавший «очарованный странник» Иван Северьяныч Флягин, который «всю жизнь... погибал и никак не мог погибнуть»? Не так ли, как стихийный самородок, задорный Левша, одержимый видением цели, он, не пристраиваясь к чужой указке, по-своему умел находить краски и образы там. где никто ничего не видел и не находил? Его создания блистают первозданной дикой красотой, от которой нельзя отвести глаз... Он умел «подковать» и расхожую художественную идею так, что она словно заново рождалась и становилась чисто лесковской.

пример народности, достигаемой через неподдельную правдивость, строптивую творческую честность, неуемность.

Готовится к печати том «Литературного наследства» «Н. С. Лесков. Новые материалы и исследования». Сюда войут неизвестные художественные и публицистические произведения Лескова, неопубликованная переписка писателя, воспоминания о нем.

Редактор тома — И. С. Зильберштейн. Предлагаем вниманию читателей некоторые из материалов «Литературного наследства».

В кушаньях же была испечен-

ная рыба лещ, с рыжевой ка-

шей и изюмом, но все на не

свежем, а изрядно прогорк-

лом масле. И как после того

священник с причетником вы-

шли, го уже было темно, и

следовали они их обыкнове-

нием — священник впереди, а

причетник с свертком облаче

ний взади за его спиною. И

тут священник начал часто сплевывать и вспоминать; не

от той ли это ему рыбы сде-

лалось, в которой была горечь

прижаренного масла. И он то-

нику, стал спрашивать;

— Нет, и я плюю.

причетник.

ешь?

гда, не обращаясь к причет-

— Ел пи ты рыбу, лящ? — Как же, ел, — отвечал

— А почему же ты не плю-

— Но почему, как я плюю

А это оттого, - отвечал

— это слышно, а как ты плю-ещь, это не слышно.

причетник, - что вы идете

Ilo страницам

COULDBAHHBIN POCCHEN

творческих рукописей

За свою жизнь Леснов написал свыше восьмисот повестей, рассназов, статей и
фельетонов. Кроме того, в
бумагах писателя сохранипось мемало начатых, но понеизвестным причинам брошенных им произведений. В
томе «Литературного наследства» печатается более тридцати из них.

Один из отрывнов (1875 г.)
любопытен изображением реакции общества на публикацию первой и второй частей
«Анны Карениной»:

∢В небольшом кружке русских, собравшихся на иностранных целебных водах, мы нитали новое произведение даровитейшего из наших русских писателей: это был ман, в котором описывалась страсть замужней женщины к стороннему человеку и отмщение, какое должна была принять героиня за свои увлечения от так называемого общественного мнения и от своей обственной совести. как художественное произведение изобиловал многими достоинствами, но производил странное впечатление; описанная в нем женщина вместо того, чтобы вызывать осуждение, возбуждала во всех самое сильное сочувствие: все чувствовали, что ее весьма удожественно изображенный муж не мог дать ее живому, чуткому сердцу ни одной каппи высокого чувства, называемого любовью, и все мы, грешные люди, страстно желапи отвратить от злополучной мщение, повешенное над ее головою завтором в эпиграфе его произведения. Между на-

ми были люди молодые и старые, мужчины и женщины, все мы были согласны насчет того, что эту женщину надо помиловать».

«Заметни неизвестного» — так назвал Леснов серию са-тирических рассказов на свою любимую тему — в ду-ховенстве, Воспроизводим неизвестную редакцию одного из расска-зов этого цикла.

НЕВИННОЕ ПРОСТОДУШИЕ MOWET BUTH XUTPEE ГОРДЕЛИВСТВА

Священник имел горделивый нрав, ходя со требами, никогда не дозволял своему принетнику идти с ним рядом и указывал вослед ему позади, и на близком расстоянии, дабы всем видно было, что он идет в сопровождении. Единого же раза, когда им обоим случилось в пост быть в доме усердного прихожанина на крестинах вечернею порою, то обоих их упрошено, чтобы остались на ужин. И при сем священник сел за стол обще с кумовьями, а причетника в передней посадили и за его малым столиком то же самое ему подавали, что и всем, кроме иностранного вина, вместо

коего поставили пиво и мед.

- Ни сюртука, ни фрака?

Да ведь в обществе другое многое принято, что мне не нужно и чего я не хочу. А как я вижу, что я вам в этом, что на мне есть, не гожусь, то значит, вам нужен мой фрак или сюртук, а не я сам, и потому: «Хитон обличает мя яко несть брачен*, и имейте мя отреченна».

- Вы лишаете нас удовольствия вас видеть?

— Нимало, только меня «хитон обличает» - и я не

— Но вы не сердитесь? — Сержусь?.. Господи помилуй! За что бы это?

— Не сердитесь? — Да полно, пожалуйста! Я даже очень рад, что ты уедешь один и меня тоже оставишь одного подумать и

работать на свободе». современников

Из переписки Леснов мастерски придумы-вал заглавия для своих про-изведений. Они поражали чи-тателей неожиданностью и оригинальностью. Товарищи по перу иногда обращались к нему с просьбой «окрестить» их новые произведения. Неод-

«Писатель Лесков был с отцом моим, редактором «Недели», в дружеских отношениях Я думаю так потому, что отец мать часто говорили о нем

ли как писателя. в редакторский кабинет отца

вами на меня надежд и ожиданий в отношении клички Воспоминания сборнику; но это так трудно мне, что я не могу ничего сделать. Кличка всегда должна быть «по шерсти». Отсюда и

> «Лесков жил на Фурштатской... Он не мог ходить по

Вот и доходим помаленьку до толка и до «шерсти»: по шерсти кличками могли бы быть: «Блажь», «Ворох» или «Окомолки». Это логично и верно, но вам, небось, не понравится... Оставим литературный при-

ем и будем искать кличку не по шерсти, а казовую, придираясь к тому, что там есть самого лучшего, главного, выдающегося, литературного... совести, я такого не вижу... По чем тут дать кличку «Татьянин день», или «Татьянина горка», или «Бабушкин курган», или «Старушкин колобок»... Вот только и можно что-нибудь в этом роде... Но купец может выдумать лучше этого, то есть наглее, смелее и более надувательно. Они на этот счет гениальны. Он. может быть, назовет: «Феникс», или **«Огненный столб»**, или «Светозарный луч из-за туч», или еще как иначе, они на это искусники и ничем не постес-

В начале 1893 года Н. Ф Зандрон, управлявший много лет ниинным магазином в Петербурге, понидал свое ме-сто и переезжал в Барнаул. 5 февраля Леснов обратил-ся н А. Н. Толиверовой:

«Уходит Зандрок — «человек во всем значении этого слова». Я его люблю и уважаю за его основательно мне известные достоинства и преимущества. Он беден и не сребролюбив...

Теперь нам с Николаем Фи липповичем надо проститься; пожелать ему впереди внимания и доверия со стороны лю дей, с которыми он встретит ся, и сказать ему наше «спа сибо»: но «спасибо» не шуба и оно в холод не греет, а он едет в холодную сторону, и у него нет шубы... По моему мнению, нам пристойно заметить и сделать так, чтобы наше спасибо грело нашего друга и чтобы он в дальней от нас стороне, надевая свою шу-

• Брачен — шелновая ткань, парча,

нократно это делала и писа-тельница А. Н. Толиверова. Летом 1890 года Толиверо-ва задумала посвятить сбор-нин памяти недавно умершей Татьяны Петровны Пассек, ос-новательницы и первого ре-дантора журнала «Игрушеч-ка». Толиверова попросила так; что впереди вас никого нет, и вы на каменные плиты плюете, а я, как позади вас

следую, то я на вас плюю. И как это оказалось спрака». Толиверова попросила Леснова придумать сборнику заглавие «позаманчивее». Он отвечал ей из Шмецка, где проводил лето, с явным раздражением. Толиверову, одна-ко, не смущал подобный тон Лескова. Она вспоминала после смерти писателя: «По натуре Николай Семенович был человек крайме резяий. но таким поступком недоволен и просил наказать причетника за обиду, но по рассмотрении обоюдных объяснений в сем отказано со внушением оставить это дело, как плевое. С той поры священник дозволяет ходить с собою рядом. человек крайне резкий, но эта резкость часто сменялась в нем совершенно женской мягкостью».

∢12 июля 1890 г. Шмеци.

не оправдываю возложенных

поговорка: «По шерсти клич-

ка». Так, например: ∢Велич-

ка - по шерсти кличка»... Ка-

кая же «шерсть» у вашей

книжке смысла нет... По на-

стоящему судя, ведь это так...

Но даже и еще того менее: это был <бы> «юбилейный»

номер после смерти юбиляра...

То есть просто черт знает

что, к чему и на что...

случай прошел.

даний в отношении

ный. -

Мне очень досадно, что я

На счлоне лет Лесков заду-мал писать воспоминания — «Памятные встречи». Единст-венное что дошло до нас из этого замысла, — повесть «Соляной столб» (1893 г.). Здесь под именем Плисова, от лица которого и ведется повествование, изображен ху-дожник Н. Н. Ге. Диалог Ге со старшим сы-ном, пригласившим отца на крестины внука, поназывает скромность и независимость художника:

ведливо, то священник

∢Я говорю: — Ну, что же — готов я

— A переодеться-то, па- книжки?... Это номер «юби-— Во что же мне переоде-ваться? я ведь свой фрак давно знакомому лакею по-

дарил. — Ну хоть не во фрак, так

где же ваш тот сюртук, кото-

рый вы к нашей свадьбе одевали? — А я его тогда же после

вашей свадьбы продал.

- Так сюртука и нет?

Так и нет.

— Так как же быть? — С чем, мой друг?

— В чем вы к нам поедете?

- Да вот в чем стою, в этой своей «алагерке». Сын законфузился и, улы-

баясь, говорит — Папахе

- Что такое?

HERIUM

— Да это же невозможно! - Да почему?.. Чем это платье, которое на мне, неблагопристойно и дурно?

— Ну да, это правда, но ведь это ничего не значит, оно все-таки прилично. — Что значит, папа, ∢при-

лично»? - Оно уместно при моем

лице, при лице простого человека, который не ищет щеголиться и предпочитает независимость и покой в устройстве своей жизни. - Папа, это поймут совсем

не так.

- Кто, мой друг? - Bce.

— Ну, ты ошибаешься: я знаю многих, которые пони-мают, что я тебе говорю, именно в этом же самом смы-

- Да, но гораздо большее число людей вас осуждают и приписывают эту вашу кричащую скромность совсем не скромности, а желанию оригинальничать и выставляться на вид... Вы меня простите, что я это вам говорю - не мои слова.

— Пожалуйста, пожалуйста! Хоть бы они были и твои, то в этом мне нет никакой обиды. Каждый судит обо всем, что видит, по-своему. Проект введения единомыслия остался в мечтаниях Козьмы Пруткова. Я никому ничего не навязываю и хочу, чтобы не навязывали того, чего мне :9 чужно.

— Да, ни сюртука, ни Но это в обществе принято

го у меня нет». И эта шуба ему будет тепла и до износа приятна.. Если мы соберем 200-300

К 150-летию

со дня рождения

Н. С. ЛЕСКОВА

рублей, то мы ему сошьем теплую шубу, которая его будет греть, и это, по-моему, гораздо лучше всех опошлевших обедов, речей или альбомов или бюваров, из которых нет никакой пользы, а только одна фанфаронада».

бенку, мог иногда шутя ска-

зать: «Да. шубенка-то она не-

важная, да ее мне справил хо-

роший народ - те, которые

знали меня; каков я есмь и че-

Всноре, узнав, однано, что Зандрок — противник подоб-ных силадчин, Лесков отканых силадчин, лесков отка-зался от своего предложения, так как «убоялся подвергнуть его нравственным мучениям, на какие он способен по своей деликатности».

Ксенин БОГАЕВСКОЙ Глазами

Павел Павлович Гайдебуров, народный артист РСФСР, записал свои воспоминания о лескове в 1957 году. Сын известного публициста, издателя популярной некогда газеты «Неделя» П. А. Гайдебурова, он в детстве не однажды видел Лескова.

между собою, всегда отзыва-лись очень тепло, как о человеке и очень высоко его цени-Сам Лесков бывал у нас довольно часто, обычно проходя

или в комнату к нашей матери. Изредка он появлялся и за нашим семейным обеденным стопом. Только в таких счастпивых случаях я и моя сестраоднолетка и могли наблюдать писателя... Среди всех Лесков выделялся, как нам, подросткам, казалось, своей особой повадкой, чуждой складу людей пе-

тербургского художественного мира. Своеобразную манеру одеваться, - вы можете судить о ней по портретам Лескова, необычно держаться, напоминая чем-то некоторых из персонажей Островского, и особенно свою красочную речь, в жизни Лесков пользовался таким же ярким народным языком, каким писал свои произведения. — все эти особенно сти писатель выказывал с на обыкновенным достоинством и с такою же чарующей непринужденностью. Он не казался многоречивым, но и то немногое, что удавалось слышать от него за обеденным столом, заставляло ловить жадно, разинув рот и глядя на рассказчика во

воспоминания Евдомии Дмитриевны Хирьяновой, жень известного деятеля тол-стовского «Посредника» и пи-сателя А. М. Хирьянова, отно-сятся к последним годам жиз-ни Лескова.

лестницам и нанимал квартиру в первом этаже... В квартире у него было несколько часов. В самом кабинете было двое каминных и стенные, в соседней комнате тоже были часы и в спальне. Все часы с боем, и отзванивали они по очереди, одни кончали, другие начинали. Очень интересный был кабинет: длинная большая комната, вся завешанная картинами известных художников, большей частью по даренных ему, когда они еще не были знаменитостями. На одной стене были тоже богородицы больших художников...

Принимал он у себя вечером по субботам. Публики у него обыкновенно было мало. Мне особенно нравились эти субботы. Тогда Лесков был домашний, и он, главным образом, рассказывал. Рассказчик он был очень интересный. Рассказывал он нам. как он начинал свою литературную деятельность, как печатался... его знаменитый роман «Некуда».. Он знал, что учащаяся публика очень невзлюбила его за этот роман, но потом он и сам понял, что слишком сгустил крас-

Когда мы были только одни.

то он нам сообщал, кто у не

го был и о чем беседовали. «А сегодня был у меня Ф., подоил меня. Он это делает от времени до времени, и на днях будет статья о таком-то предмете. Я охотно позволяю ему себя лоить, он человек недурной» «Умерла балерина». — рассказывал Лесков. Я не помню фамилии, какую он назвал. Почему-то многие балерины бывали на содержании у великих князей, и эта была тоже на содержании какого-то великого князя, тоже не помню какого. После смерти ее все ее вещи и обстановку квартиры продавали с аукциона. Пошел и Лесков посмотреть. Его поразило, что кровать ее покупает какой-то монах - кровать красивая, с амурами в головах. Лесков недоумевал, зачем монаху такая кровать. Впоследствии он увидел в церкви Александро-Невской павры в алтаре кресло из половинки кровати, гле были амуры. Монах этот, оказалось,

Публикация Александра РОМАНЕНКО

заведовал хозяйством лавры

Он перепилил кровать и из од-

ной половины сделал кресло

Теперь амуры изображали ан-

В. КАВЕРИН

ИСКУССТВО СЛОВА

гогда я был студен-Том Института вос точных языков в Ленинграде, я слушал лекции одного из самых выдающихя арабистов мира академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Я изучал тогда арабский язык, кончил инситут, но впоследствии почти ской литературой. Однако одна из глубоких мыслей Крачковского запомнилась, мне как бы сопровождала меня всю жизнь. Крачковский ут верждал с полным основани ем, с множеством неопровер жимых примеров, что арабы относятся к своему языку как к предмету искусства Именно эта черта кажется мне характерной для творчества Лескова. Эта черта прочно связана с поэтическим отношением к слову. Вот почему считаю, что после Гоголя Лесков - первый поэт в рус ской прозе. Это не только не мешало ему глубоко понимать что происходит вокруг. Иля Лескова это ключ к по знанию действительности. Его стилистическое разнообразие основано на такой разговорной естественности, на такой словесной изобразительности, что Лескова, по моему глубокому убеждению, невоз можно перевести на иност ранный язык без неисчисли-

мых потерь МЫХ ПОТЕРЬ

Мне намется, что в советской литературе эти черты хараитерны для прозы Зощенко. И недаром в даленне времена деятельности «Серапионовых братьев» немногие филологи из их числа сопоставляли его с Лесковым. Он етмалчивался. Между тем что оба писателя, так тонко относивщиеся и языну нак предмету искусства, никогда не забывали и о занимательности —

могучем орудии литературы, которое, и сожалению, так часто остается в тени в наше
время. Возьмите «Соборян»
Леснова, и вы не оторветесь,
котя, казалось бы, каное вам
дело до русского духовенства
середины XIX века. Откройте
«Перед восходом солнца» Зощенко, и вы забудете о всех
делах и заботах, товинуясь
талантливой воле писателя,
рассказывающего о том, что
важно для него и для зас.
О Лескове невозможно ска-

О Лескове невозможно сказать ничего существенного в нескольких словах. Его творчество поразительно многостороние. Проницательный историк быта, он искал и находил исторические черты в событиях или характерах, на первый взгляд не имеющих никакого значения. В то же время он с необычайной силой приближает к нам исторические событня, рисуя их так, как будто они происходили вчера («Человек на часах»). Современность и история для него почти равнозначны. Это глубоко окрашивает такие произведения Лес-«Очарованный как странник», «Левша», «Колыванский муж». Он смело действует, когда надо дать читателю понять, что история преследует нас, шаг за ша-

гом вплотную идя за нами. Нельзя сказать, чтобы Леспрожил счастливую жизнь. Но в одном отношении ему повезло. Он оставил сыставшего офицером Советской Армии, который помнил отца и превосходно на-

Ю. НАГИБИН

писал о нем.

ОСОБЕННАЯ СТАТЬ

• ЕСКОВ — один из caмых любимых монх писателей; к ним, кроме Пушкина, который один был целой литературой, относятся прежде всего голь, Достоевский, Бунин, Андрей Платонов.

Как и все его литературное поколение, Лесков, по изве стному определению. выше из гоголевской «Шинели: Без Гоголя трудно предста вить себе Лескова, как без Лескова, в свою очеред невозможно представить дрея Платонова. Но Леско не просто связующее звено литературной цепи, он свое образное явление в искусс ве слова. Ему удалось то

чему тщетно стремилс Гоголь во второй части «Мертвых душ»: показати положительные силы Росси Лесков предельно самобы тен: он создал свой особы тот неподражаемый сказовый строй, какого н знала великая русская лите

знала великая русская литература.

Я не умею и не стремлюсь писать «похоже» на
Лескова. Но когда меня
спрашивают, у кого я учился, я первым называю автора «Очарованного странника», потому что ничего не
читал с таким упоением и
чукством родства, кан «Соборян», «Запечатленного амгела», «Тупейного художника», «Несмертельного Голована», «На краю света»...
Слишном много места заняло бы это перечисление,
правда. я не перечитываю
романов, ноторыми Леснов
начинал, хотя они плоть от
плоти писателя. Лесков был
очень горячий, нетерпимый
человек, и порой из-под его
пера выходили те «отомщевательные» и художественно
несовершенные произведения, о которых он сам потом
сожалел.

Это был великий, хотя и

Это был великий, хотя смятенный дух. Челове трудной судьбы, страдавший и от внешних обстоятельств и особенно - от собствен ного яростного, «печеночно

Особая роль Лескова в рус ской литературе связана тем, что, продолжая Гоголя он помнил о Пушкине. Пуш кин мог то, что, по словам Лескова, не пол силу оказа лось его наследникам в ли тературе - «описать кусон жизни и вместить в него вск Россию». У Пушкина мы най дем и жалостную историю села Горюхина, и строгое величие Петербурга, а в Петербурге встретим и самодержца Петра, и бедняка Евгения.

Приобретая все большую критическую направленность, послепушкинская литература быстро утрачивала жизненную полноту, которая была свойственна творчеству самого Пушкина.

И Лесков первый выводит на «Растеряеву улицу» русской словесности богатырей праведников, красивых, самобытных, талантливых людей, которыми инкогда не была бедна Россия, и возвращает отечественной литературе пушкинскую всеохватность.

Мне особенно радостно, что юбилей Лескова отмечается ныне по-настоящему широко и щедро, что начинает осознаваться истинный масштаб писателя, что Лесков окончательно утверждается на том высоком и почетном месте, которое отвел ему в русской литературе А. М. Горь-

A. CU3OHEHKO

СОБЕСЕДНИК **TAPACA** ШЕВЧЕНКО

т ишившись отца,

Л Лесков приезжает в Киев к дяде своему, профессору Киевского университета Алферьеву. иниверситета Большой университетский го род, в котором Николай Се менович прожил в общей сложности около десяти лет, стал во многом колыбелью его таланта, мировоззрения, исочником постижения жизии. Исправляя службу по рекрутскому набору во время Крымской войны, Лесков близ-ко сталкивается с мастеровыми, солдатами, ополченцами.

Его привлекает мягкая украинская речь, теплота нравов характеров малороссиян. Здесь он встречал тех «чудаков и лыцарей», которые умели рассказать о Канте, о Гегеле, о «чувствах высокого и прекрасного». Видимо, это и дало писателю право сказать со свойственной ему запаль-чивостью: «Всем молодым писателям надо выезжать на елужбу в Уссурийский край, Сибирь, в южные степи... Подальше от Невского!» Не в наши ли дни сказано

все это? И точно так же очень многое в творческой биографии Лескова будит мысль о современности, и все, чего бы мы у него ни коснулись, напоминает о нерасторжимости братских культур и судеб наших единокровных народов — русского и украинского. Всю жизнь русский писатель испытывал к Украине сыновнюю нежность и со-

чувствие.

9 марта 1861 года, только что переехав из Ниева в Петербург, Леснов опубликовал в газете «Русская речь» статью, которую сейчас назвали бы зссе, — «Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко». Это потрясающея по эмоциональному воздействию худомественное произведение и не менее потрясающий донумент о глубокой любви русского писателя не тольно и Шевченко, но и но всему украинсному народу. «Итан, осиротела малороссийская лира. Лежит в гробу ее бездыханный поэт. Тараса Григорьевича Шевченко не стало... — начинается памятная статья. — Значение Шевченко известно всякому, «кто любил родное славянское слово и был доступен чему-нибудь высокому, изящному...»

Так на заре своей литера-

Так на заре своей литературной деятельности заявил о ебе выдающийся писатель России, с глубоким проникно вением описав смерть Кобзаря Украины и пророчески

предсказав его бессмертие. И сегодня наши сердца наполняются глубокой благодарностью к Николаю Семеновичу Лескову, замечательному сыну России.